18+

Юрий Алаев

Дагерротипы

Юрий Алаев
Дагерротипы

https://litres.ru/74757388
ISBN 9785007152013

Аннотация

Это роман о взрослении в захолустном городке с начала правления Брежнева, прощания с «оттепелью» и до Пражской весны — начала «застоя».

Горка Вершков устраивается учеником в фотоателье и здесь ему открывается странный мир — двоящийся и преломляющийся, где реальность и вымысел легко меняются местами в зависимости от того, как лёг свет, а прошлое прорастает в настоящем. Это эффект дагерротипа, зеркала с памятью. Постепенно Горка понимает, как трудно найти свой путь, когда он определен за тебя.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Дагерротипы	5
Кровь и клей	6
Представление	11
Причиндалы	15
Лакировка действительности	19
Шаромыга	24
Ленина нет, а Гольдин есть	28
Кадры решают	33
Маша Простакова	38
На испуг	48
Фотоаппарат, велосипед и жена	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дагерротипы

Юрий Алаев

Корректор Ольга Рыбина

© Юрий Алаев, 2026

ISBN 978-5-0071-5201-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дагерротипы

Дагерротип — старинная технология получения фотоснимков. Изображения, сделанные с её помощью, напоминали отражение в зеркале и поэтому часто называлась «зеркалом с памятью». В зависимости от наклона пластинки к источнику света при рассматривании дагерротип может выглядеть как позитив или как негатив. Это позволяет видеть нормальный снимок только под определённым углом, но в то же время создаёт иллюзию реальности образа, не передавая его подлинного вида.

Кровь и клей

31 августа 1964 года Горка Вершков вышел на работу в токарный цех Бугульминского механического завода, а уже в конце сентября подал заявление об увольнении. Завод за месяц сломал его, и не помогли ни романтическая память о ликстановском Малышке, который так здорово вытачивал снаряды для фронта и был примером для Горки, ни трезвое понимание, что без его зарплаты им с матерью придётся перебиваться с хлеба на воду.

Это поражение уязвило Горку, и он стал копаться в себе, пытаясь понять, как же так вышло.

На самом деле проблема возникла, подумал Горка, из-за того, что он никак не мог изменить привычный образ жизни: он по-прежнему запоем читал, ложился, соответственно, за полночь, а к семи уже надо было тащиться на смену, а после, прикорнув после позднего обеда, браться за уроки, чтобы к шести сесть за парту в ШРМ, «шаромыге», как называли новую Горкину школу — рабочей молодёжи, и сидеть до девяти, а потом бежать домой, наскоро ужинать и хвататься за очередную книжку, — какой пятнадцатилетний организм такое выдержит? Горкин не выдержал.

Но и другое было: он, может, и выдержал бы, если бы не отношение к нему на заводе, какое он почувствовал, — со стороны бригадира Святкова и начальника цеха Горбунова.

Они смотрели на Горку как на… как на какую-то деталь, которая и не нужна, и выкинуть нельзя; приходится возиться, приспосабливать.

Дело в том, что по закону Горку не должны были принимать на завод — по возрасту, а приняли после того, как мать добилась решения горисполкомовской комиссии по делам несовершеннолетних. Она упирала, конечно, на то, что была матерью-одиночкой и фронтовичкой, но дело решило не это, как Горка позже узнал, а то, что у него был «привод» и, значит, он подлежал трудовому перевоспитанию. Так дурацкая история с ножом, который Горка метнул год назад в дверь класса и едва не убил завуча, как считал инспектор детской комнаты милиции, из очевидного минуса, пятна на биографии, как говорили, сыграла в плюс.

Хотя как сказать, смотрели-то на него не только как на деталь, вдруг сообразил Горка, а ещё как на зверёныша, от которого можно ждать чёрт-те чего. Так что пятно никуда не делось.

Но окончательно Горку добило «отмечание» его первого месяца на работе.

В тот день бригада собралась после смены в закутке, служившем раздевалкой, кто-то бухнул на неструганый стол банку клея БФ-2 размером с противотанковую мину, с неё с визгом срезали «болгаркой» крышку, высыпали в банку полпачки соли, Святков взял электродрель, обмотал сверло ветошкой и запустил в вязкой массе клея. Через пару минут

он извлёк сверло, со значением показал Горке (оно походило на говяжью голяшку) и кивнул на банку, в которой осталась какая-то мутная жидкость.

Горка наблюдал, соображая, чего вдруг тут решили устроить урок то ли химии, то ли физики. Недоумение сменилось тихим ужасом, когда жидкость разлили по стаканам и бригадир протянул один Горке.

— Давай, — сказал, — с трудовым крещением, как грить-ся!

Горка вдруг вспомнил, как они с отцом пили бычью кровь на мясокомбинате, когда у него, пятилетнего, нашли малокровие, с ненавистью посмотрел на Святкова и выскочил из закутка, с треском хлопнув дверью.

Неделю Горка с матерью пребывали в молчаливых раздумьях, а в пятницу вечером, вернувшись с работы, она спросила Горку:

— Тебе ведь нравилось фотографировать, почему забросил?

Горка опешил, а мать, не дожидаясь ответа, сообщила:

— В понедельник выйдешь на работу в фотоателье, я договорилась.

— В какое ателье, — растерялся Горка, — зачем?

— В номер один, напротив «стекляшки», — уточнила мать и поджала губы, глядя мимо Горки в окно.

Горка тоже посмотрел в окно (там виднелась лениво перебиравшая ветками берёза) и затосковал: мать опять посту-

пила с ним как с несмышлёнышем, да хуже — как с вещью, которой она вправе распоряжаться по своему усмотрению. Хотя Горка понимал: она это не со зла, а от безысходности, реальной или кажущейся ей.

Они обустроились в своей недавно счастливо обретённой «однушке» нормально, обновили мебель и даже купили стиральную машину, которая стоила 80 рублей, целую материну зарплату, и, чавкая бельём, содрогалась и прыгала в клетушке «совмещённого санузла», но эти затраты подточили, похоже, скудные запасы матери «на чёрный день», как она говорила, а цены в магазинах и на базаре ползли всё вверх и вверх, а Горка, бывало, зачитываясь очередным романом, за один присест сжирал ночью целую банку тушёнки (вкуснятина — прозрачное желе, куски сочной постной говядины, лаврушка…), которой должно было, по замыслу матери, хватить и на суп, и на второе для двоих, — как тут на всё напастись? Единственный способ — пристроить сына, чтобы и он, значит, «нёс в дом».

Горка полночи проворочался без сна, обдумывая все эти перипетии и гася злость на мать, а утром полез на антресоли, выгребать свои фотопринадлежности.

Всё было на месте — фотоаппарат «Любитель», который отец подарил Горке после пятого класса, увеличитель УПА, кюветы и пинцеты, несколько катушек проявленной плёнки и фотографии.

Фотографии были дурацкие, с друзьями в основном: Ра-

вилька в «водолазке», целящийся из поджига в объектив, Розочка и Гусман на фоне акаций (акациями были усеяны все основные бугульминские улицы, в пору цветения они выглядели очень красиво, но в чёрно-белом изображении красота терялась — ряды пёстрых кустов, уходящие вдаль, и всё), опять Гусман, на вздыбленном велике (Горка снимал с земли, и Гусман выглядел как медный всадник, если бы кто снял его из-под копыт; а, может, кто и снял, подумал Горка), ледоход на Бугульминке (полторы льдинки, наехавшие друг на друга, и пенящаяся вода)…

Один снимок, 13×18, лежал отдельно, в конверте: два мужика в затрапезных зипунах, в треухах и валенках с галошами идут рядом с лошадью, запряжённой санями, а на дворе весна, снега нет. Эта унылая лошадь, тянущая сани по асфальту, и эти унылые мужики впечатлили Горку, он заснял, потом показал снимок руководителю фотокружка в Доме пионеров, и тот, ухмыльнувшись, посоветовал отдать его в городскую газету. Горка отнёс, непонятных лет человек в больших коричневых очках глянул на фото, потом на Горку и сказал бесцветным голосом: «Такое нам не подходит, вам надо хорошенько поучиться, молодой человек». Сунул снимок в конверт и вернул Горке. Приговор — не приговор, но както Горка охладел после этого к фотографии. Теперь, значит, пришло время поучиться настоящим образом.

Горка понял, что ничего он своим новым работодателям не предъявит, пусть всё будет как с чистого листа.

Представление

Дом, который занимало фотоателье №1, поставил Горку в тупик. Это была большая, посеревшая от времени бревенчатая изба с крыльцом о трёх ступенях, с обшитой дерматином дверью, из-под которого торчали кое-где клочья ваты, и одним окном справа от двери, — три других, ещё правее, были забраны жухлыми фанерными листами. Какое фотоателье, кто сюда пойдёт? А напротив светилась жёлтым пятиэтажка сталинского ампира, сверкал витринами встроенный в первый этаж универмаг, а наискосок, на углу Ленина и Мусы Джалиля, был вход в горсад, обнесённый ажурным железным забором — совсем другая картина! Как будто вот тут — город, а тут — захолустная деревня. Эффект усиливало то, что рядом с избой фотоателье ничего не было: с одной стороны — пустырь и овраг, на другом краю которого светлела в низине «Мунча», а с другой — выкрашенный густо-зелёным железный решётчатый забор, за которым был тоже пустырь! Нет, не только: присмотревшись, Горка разглядел, что там сбоку стояло какое-то шлакоблочное здание, вроде казармы, но общей картины это не меняло.

Вообще-то в те годы вся Бугульма вот так делилась: часть города усиленно застраивалась новыми домами, а нефтяники так и нечто вроде коттеджей принялись сооружать (тогда это были «финские домики»), а другая оставалась довоен-

ной, если не дореволюционной — купеческой и работной, но Горке было не до обобщений, его кольнуло предчувствие, что попал он куда-то не туда. То есть вот прямо сейчас собирался попасть: был понедельник, полдевятого утра, а в девять должен был начаться его первый рабочий день на этом новом, а на самом деле старом месте. Горка вздохнул, взошёл на крыльцо и открыл дверь.

— Закрыто! — с порога остерегла его сидящая у окна за конторским столом девица с лицом луковицы, к которой были прилеплены вызывающе пухлые губы и курносый нос, — работаем с девяти.

— Я как раз на работу, — грустно сказал Горка.

— А, ученик! — вдруг обрадовалась девица, — Михаил Петрович, ученик пришёл! — И Горке: — Пройди… те в павильон.

Горка шагнул в «павильон», отделённый от конторки матерчатым пологом.

В павильоне был полумрак, свет шёл только от софита, направленного на белый задник в торце (задник сцены?), и от настольной лампы в дальнем углу.

Из-за стола навстречу Горке поднялся, входя в круг отражённого света, пожилой мужчина — невысокий, в горчичного цвета вельветовом пиджаке в мелкий рубчик, с шейным платком и в очках с тонкой позолоченной оправой. Горка смотрел на его выход, вытаращив глаза: он навидался таких мужчин с волевыми загорелыми лицами в американских

фильмах, но тут?!

Мужчина блеснул на Горку очками и улыбнулся, он явно понимал, какое производит впечатление, и это его грело и в то же время забавляло, судя по улыбке.

— Гольдин, — сказал он просто, — Михаил Петрович, я тут главный, — и протянул руку.

Горка пожал её (ладонь была сухой, лёгкой и крепкой), не зная, что сказать.

— Ребята, — позвал Гольдин в темноту, — выходи строиться, ученик пришёл.

Сбоку от Горки что-то хлопнуло, и на свет вышел, встав рядом с Гольдиным… моряк! Коренастый, с литыми плечами, обтянутыми тельняшкой, мужик лет тридцати. Встал и кивнул Горке. А слева колобком выкатилась деваха в комбинезоне, с забранными под косынку волосами, чисто штукатурша с плаката «Все на стройку!», только пучеглазая, в отличие от плакатной красавицы, и тоже встала рядом с Гольдиным, вытирая руки.

И так они стояли, как на сцене перед поклонами, и разглядывали Горку, а он — их. Не хватало только аплодисментов.

И Гольдин хлопнул, и наваждение спало с Горки.

— Знакомься, Егор, — сказал Гольдин, — это Дмитрий, мастер-фотограф, а это Валентина, лаборантка. Ты тоже начнёшь как лаборант, мама твоя говорила, что занимался фотографией, а там посмотрим.

Валентина хмыкнула, Михаил пожал плечами, и они разо-

шлись по своим каморкам (справа от входа была «тёмная», оказывается, где заряжали кассеты, а слева, уходя от павильона аппендиксом, собственно лаборатория, где проявлялись плёнки и печатались снимки). Ушли, ничего не спросив, как будто и так всё про Горку знали. А, может, он им просто неинтересен был. Гольдин же усадил Горку за свой стол и принялся рассказывать, как и что будет.

Горка слушал не очень внимательно, его подмывало спросить, что именно рассказала мать, но в общем он уловил: зарплата на полгода ученичества 22 рубля (ни фига себе — ботинок приличных не купишь), потом сдача на разряд и… Тут Гольдин задумался, взялся протирать очки и закончил неопределённо: и как себя покажешь, но на жизнь хватит.

— Да, — спохватился Гольдин, — для начала освоишь с Валей составление растворов, проявку-печать, параллельно — ретушь, это моя забота, а потом уже и до камеры дойдёт. Про ФК знаешь что-нибудь? — Гольдин кивнул на стоявший на треноге посреди павильона жёлтый деревянный куб.

— Видел, — откликнулся думавший о своём Горка, — меня же тоже фотографировали.

— А, ну да, — засмеялся Гольдин, — с той стороны знаешь, значит. Конечно, фотографировали, с пелёнок, на этом и живём. И стоим, — добавил, кашлянув.

Причиндалы

Первый рабочий день на новом месте пролетел на удивление быстро: Горка старательно выслушивал наставления Валентины, запоминал про разновидности проявителей («Гидрохинон контраст даёт, — поучала Валентина, — но это надо, если на выезде снимаешь, где с освещением не сложится»), про то, как правильно экспонировать бумагу при печати со станка (увеличитель у них пылился в углу, а печать шла контактным способом, один в один с негатива), про недопрояв и перепрояв и засветку, про кюветы, которые надо промывать как следует, а фиксаж сливать в бочонок («у нас план по серебру») … в какой-то момент ему стало скучно, и тут в лабораторию заглянул Дмитрий и заявил:

— Хорош тут в темноте с Валькой тереться, айда покурим.

Валька только хрюкнула на это, и Горка с Дмитрием пошли курить.

Они уселись на крыльце, Дмитрий достал пачку «Беломора», Горка — свой Butrinti, задымили. Горка, прикинув, как лучше обратиться к Дмитрию, решил, что на «ты», и, покосившись на тельняшку напарника, спросил:

— На флоте служил? У меня брат тоже.

— Да? — оживился Дмитрий, — на каком?

— На Черноморском.

— Небось, лысым дембельнулся?

Горка не понял.

— Ну с Черноморского многие так приходили, — пояснил Дмитрий, — если не сразу лысыми, то потом, там то ли вода такая, то ли испытывают что.

Горка прикинул: у Сеньки, вроде, всё в порядке было с шевелюрой, хотя да, редкие волосы.

— А ты на каком служил? — спросил Горка.

— На Северном, — вздохнул Дмитрий, я и сам оттуда.

— В смысле? — опять не понял Горка.

— Северное, родное село, — опять со вздохом сказал Дмитрий, — в Оренбургской области, полста кэмэ отсюда. — И, не дожидаясь вопроса: — У меня жена училка, французский основной и английский, а там не было работы подходящей, вот, переехали. Живём у её дальних родственников, в такой, примерно, избе, — он с усмешкой ткнул большим пальцем за спину, на фотоателье, — я в КБО в очередь на квартиру встал, хэзэ, когда дойдёт. — И опять вздохнул.

Горке стало его жалко: такой бугай, а то и дело вздыхает, да тяжело так, прямо как бегемот. Бегемотов Горка видел только в «Клубе кинопутешественников», но и этого хватило, чтобы живо представить.

Тем временем вышла Валентина, тоже пристроилась на крыльце, сбоку, за спиной Горки, и достала из комбинезона кулёк семечек. Некоторое время они сидели молча, слушая, как Валентина лузгает и сплёвывает, потом Горка опять спросил про тельняшку:

— А ты всегда вот так на работе?

— В тельняшке в смысле? — переспросил Дмитрий. — Не-а, фланку надеваю. — И, увидев недоумение Горки, уточнил, — ну, робу, рубашку, тебе брат не рассказывал, что ли, как что на флоте называется?

— Не помню насчёт фланки, — сконфузился Горка.

— Ну ладно, — мотнул головой Дмитрий, — это не главное. Главное, ты должен усечь, что мы тут все, то есть не все, — он покосился на безмолвствующую Валентину, — а Михал Петрович и я — немножко, как бы сказать? — зазывалы, народ любит диковинки.

— И Михаил Петрович так наряжается из-за этого? — догадался Горка.

— Не скажи, — возразил Дмитрий, — с одной стороны, да, про мой флотский прикид на работе он придумал, а с другой стороны, он по жизни такой. Щегол. Западенец, короче.

— Щёголь, — машинально поправил Горка, — а западенец — это западник ты хотел сказать?

— Вот ты грамотный! — делано рассердился Дмитрий, стукнув Горку по колену, — говорю же тебе: западенец! Из Львова он, эвакуированный.

У Горки заныло под ложечкой: моряк, как его двоюродный брат Сеня, училка французского, как «его» пионервожатая Эля, Львов, куда уехал отец после развода с матерью, — многовато перекличек за один раз.

Тут подала голос Валентина:

— Михаил Петрович хороший, — протянула она плаксиво, — а ты дурак, Димка, словами козыряешь. Ты ещё про причиндалы расскажи.

Плюнула, бросила скомканный кулёк и пошла в избу.

— Вот они только и на уме у тебя, Валька, — со смехом сказал ей в спину Дмитрий. — А ведь это инструментарий, сколько раз тебе говорил!

Они тоже встали и пошли работать; Горка решил не развивать тему, хотя и не понял, при чём здесь инструментарий, когда причиндалы — это про муди и всё такое.

Днём позже, покопавшись у Равиля в словаре Ожегова, он обнаружил, что Дмитрий был прав: причиндалы — это было и про Валентиновы пинцеты и кюветы, и про фотоаппараты, вообще про вещи, не обязательно про гениталии (Горка заодно уточнил и про них, хотя знал и до этого). А про западенцев у Ожегова ничего не было, и Горка подумал, что надо будет при случае как-то тактично выпытать насчёт этого у самого Михаила Петровича Гольдина.

Лакировка действительности

С причиндалами по части проявки и печати Горка разобрался быстро, не бином Ньютона, в фотокружке проходили, а со съёмкой и ретушью возникли затыки.

Для того чтобы сфотографировать клиента, надо было накрыться матерчатым покрывалом, в темноте под ним навести резкость, двигая туда-сюда по полозьям гармошку камеры, а потом закрыть объектив крышкой, вставить кассету с плёнкой и на три секунды снять крышку, а потом снова надеть. Вот эта крышка Горку и подводила, он сдёргивал её, сбивая резкость, и слишком быстро считал, как обнаружилось.

Позировавший в качестве модели Михаил Петрович вставал, сажая Горку на своё место, подходил к камере и быстро, лёгким движением с артистичным отлётом руки смахивал крышку, а затем аккуратно водворял её на место. Губы его при этом шевелились в шёпоте — «двадцать один, двадцать два, двадцать три».

— Вот так надо, ласково, ты понял? — спрашивал у Горки, Горка кивал, вставал к аппарату и… раз на раз не приходилось.

Михаил Петрович хмурился, но подбадривал, — тренируйся, получится, и про счёт не забывай, двадцать один, двадцать два…

— В чём смысл-то?! — прицепился Горка, срывая досаду на самого себя, — «один, два, три» — и всё, зачем «двадцать»?

Гольдин посмотрел на него довольный: сейчас он про тонкость скажет.

— А затем, — сказал, — что твой счёт на полсекунды идёт, если не меньше, а когда «двадцать один» говоришь и так далее, всё точно получается.

Горка назавтра и это проверил у Равиля по секундомеру, — Гольдин был прав.

Но настоящей морокой оказалась ретушь.

Для начала надо было приготовить матолеин, растворив канифоль в скипидаре, потом мягкой тряпочкой осторожно («Нежно, — приговаривал Михаил Петрович, — нежно»; у них тут всё было «нежно») нанести его на эмульсионную сторону негатива, дать подсохнуть, и после этого, укрепив на просвет на специальном станке, начинать заделывать карандашом «Конструктор» (твёрды й нужен, на худой конец ТМ, опять подсказывал Гольдин) заделывать крошечные пятнышки белого, которые, понятно, на фотографии были бы чёрными и делали лица позировавших рябыми.

Но это легко сказать — заделывать, а надо было попасть в тон (если перекрасить, то та же рябь выйдет на снимке, только белая), а чтобы ретушь была незаметной, каждое пятнышко надо было закрашивать в зависимости от его размера и формы — какое точками, а какое — запятыми или волни-

стыми линиями, зигзагами, а то и микроклеточками. Ужас!

К концу второй недели таких экзерсисов Горка взмолился:

— Михаил Петрович, ну не выходит у меня! Давайте я лучше с Валькой печатью буду заниматься.

— Во-первых, уже выходит, — возразил Гольдин, блеснув на Горку очками, — а во-вторых, моё дело — научить тебя всем процессам, а там видно будет.

— Процессам, — досадливо повторил Горка, — ладно, крапинки заделывать, а складки у носа или на лбу зачем мы ретушируем? Это же буквальная лакировка действительности!

— Ты прямо как по «Правде» шпаришь, — тихо рассмеялся Гольдин, — что же плохого, если на наших снимках человек, особенно, если женщина, будет выглядеть моложе и красивее, чем в жизни? На морщинки любой в зеркале может полюбоваться.

— Ну да, — смутился Горка и перевёл тему, — а нельзя с плёнкой что-то сделать, — что она вся в этих крапинах?

Гольдин усмехнулся:

— Можно, конечно. Взять агфовскую, например, немецкую, — совсем другой коленкор, скажу я тебе. Только где её взять? Мы, сам видишь, на переславской работаем, иногда на Шостке — что пришлют по разнарядке. Конечно, — задумался Гольдин, — в Казань после войны целый завод перевезли из Германии, могли бы делать.

— И что? — спросил Горка.

— Не получается пока, как у немцев, — усмехнулся Гольдин, — не знаю, почему. Слышал, полив у них не такой выходит. А вообще, — он опять задумался, — старые пластины, начала века, можно сказать, лучше были по зернистости, посмотри, какие гладкие, сочные старинные фото.

— Лучше? — переспросил Горка, — при всём прогрессе?

Гольдин посмотрел на него хитровански и спросил:

— Хочешь, анекдот расскажу? Слушай. Умирает старый еврей, родня собралась, горюют, а один думает: пока не помер, надо выспросить у него, как он кашу варил, уж такая вкусная получалась! И спросил. А этот старый отвечает: евреи, не жалейте масла! А?! — Гольдин испытующе посмотрел на Горку, — не велик секрет.

Горка улыбнулся из вежливости, он не очень понял, где тут смеяться, и Гольдин, посерьёзнев, пояснил:

— Раньше серебра не жалели на плёнку, азотнокислого, если уж точно, оно давало качество. А сейчас…

Он вяло махнул рукой, как бы закрывая тему.

Они сидели одни в полутёмном павильоне у гольдинского стола, рабочий день закончился, Горке надо было бежать в школу. Хотя какая школа — вот же она, подумал Горка. Они часто так засиживались на первых порах Горкиного ученичества, и упражнялся Горка тоже в это время, не когда клиенты шли, и Михаил Петрович ни разу не сказал, что ему пора — показывал и объяснял, объяснял и показывал. Будто

ему и не надо было домой. А, может, и не к кому было, подумал однажды Горка, и ему стало жалко Михаила Петровича. Не так, как Дмитрия, но тоже.

Шаромыга

После посиделок с Гольдиным Горка опоздал, естественно, к началу урока. Это, впрочем, не было редкостью, и другие нередко опаздывали, всё-таки рабочая молодёжь, не все успевали после смены. Так что учительница немецкого, тоненькая чернявая татарочка, старше Горки максимум лет на семь, в ответ на Горкино «darf ich?..» только кивнула, тряхнув своими смоляными завитками, и продолжила урок.

Учительницу звали Гульсина, а как по отчеству — Горка не запомнил, он её по имени называл (хотя на «вы», конечно), и она была совсем не против, кажется. Может, не только в силу небольшой разницы в возрасте (в классе были и постарше её), а потому, что мало что могла преподать, чего Горка не знал после уроков Анны Михайловны Емурановой в своей первой школе.

Это касалось не только немецкого, а и других предметов: Горка видел, что учителя не то что сами неподготовленные, а как-то не очень стараются. Или делают скидку своим разношёрстным ученикам, понимая, что многие из них пришли в ШРМ не за знаниями, а за аттестатом зрелости. И ученики это понимали, и обе стороны относились к занятиям в «шаромыге» вот именно по этому словцу, как к чему-то побочному.

Если подумать, то и само словосочетание «аттестат зре-

лости» звучало комично применительно ко многим ученикам ШРМ: в Горкином классе половина были мужики за тридцать, да и женщины немногим моложе, вполне себе зрелый народ. За соседней с Горкиной партой, например, сидел бульдозерист Сафин, лет сорока, с тяжёлой коротко стриженой головой с проседью и такими же тяжёлыми руками — кулачищи были, будто он в боксёрских перчатках ходил. Этот Сафин так выматывался на работе, что то и дело просто засыпал посреди урока и, зная за собой эту слабость, ставил будильник в своих наручных часах, и этот будильник за пять минут до перемены начинал тренькать и дребезжать, пробуждая хозяина, а заодно и сигнализируя одноклассникам — пора!

Первое время учителя пытались отговорить Сафина от этих установок, а потом махнули рукой — пусть! Самое забавное было, что Сафин сидел за первой партой, в ряду ближе к двери класса, а не где-то на задах, как Шерочка с Машерочкой, и спал у всех на глазах. Но думал, наверное, что этого никто не видит и будильник слышен только ему.

Шерочка и Машерочка, как прозвали эту пару одноклассники, были из числа ровесников Горки, может, на пару лет постарше, — Саша Шерман и Шура Суровейкин, и им тоже зрелости было не занимать, если иметь в виду половую: они, сидевшие за одной партой, занимались в основном тем, что посреди уроков трогали друг друга за разные интимные места, лизались и останавливались только тогда, когда учи-

тельница уже не могла делать вид, что не слышит бурного дыхания Саши и не видит, как волнуется её полная грудь, и осаживала их, остужала. Тут и остальные уже переставали делать вид, оборачивались и сочувственно хмыкали, а кто и подмигивал.

Это вносило, конечно, разнообразие в учебный процесс.

Хотя были в классе и такие Горкины ровесники, по которым было видно, что среднее образование им нужно по жизни, в видах получения высшего, то есть в видах карьеры, можно сказать. Некоторых Горка вычислил сразу, в первую очередь скромного юношу Руслана с удивительно нежным, просто персиковым лицом (Горка именно так его для себя определил — юноша, не пацан) и Талию, смешливую и грациозную, соответственно имени, казашку. (На самом деле она была ТалиЯ, с ударением на последнюю букву.) Они аккуратно посещали занятия, всегда были готовы ответить, и Горка, ехавший на старом багаже, в какой-то момент подумал, что нет: шаромыга — не шаромыга, надо подхватиться.

Укрепил его в этом решении забавный случай. Им задали на дом написать сочинение на свободную тему, Горка помаялся, не зная, какую выбрать, а потом наткнулся на флакон с одеколоном — с видом осеннего леса на этикетке — и, всмотревшись, стал описывать, какой он, этот лес, и как плачут на ветру с дождём берёзки и гордо держатся осинки. Почему ему пришло в голову, что унылые осины могут выглядеть гордо, бог весть, но на учительницу сочинение про-

извело такое впечатление, что она зачитала его перед всем классом, гордясь Горкой как собой. Горка смутился, но одноклассники отреагировали уважительно, по-взрослому (уж точно не так, как отреагировали бы в первой школе), и Горка лишний раз задумался о том, что нам не дано предугадать.

А год спустя в перечне предметов оказались астрономия и экономгеография; первому предмету Горка просто обрадовался — будто вернулись их ночные бдения на пасеке с друзьями Равилем и Гусманом, а вторым заинтересовался очень серьёзно: зависимость развития той или иной страны от наличия природных ресурсов, их комбинации и даже от окружающих рельефов местности стала для него важным открытием, он даже на прочитанные когда-то приключенческие романы посмотрел другим взглядом, взять хоть «Похитителей бриллиантов» или «Затерянный мир» Конан Дойля.

Нет, «шаромыга» точно не была шаромыгой.

Ленина нет, а Гольдин есть

К концу третьего месяца обучения, день в день, Михаил Петрович Гольдин вручил Горке премию — 25 рублей. Достал из бумажника три банкноты и протянул:

— Держи, Егор, премию, первый экзамен выдержал молодцом, заслужил!

Горка замялся: во-первых, никакого экзамена не было, а во-вторых, он как-то по-другому себе представлял вручение премии — с грамотой там, в рамочке, в торжественной обстановке… А тут взял человек и отдал, как будто свои.

— Не мнись, Егорка, — подал усмешливый голос Дмитрий, возившийся с камерой и делавший вид, что не видит сцену, — Михал Петрович правильно говорит, заслужил. Не забудь только, что и мы заслужили.

— Дима! — укоризненно сказал Михаил Петрович.

— А что? — возразил Дмитрий, — пусть проставляется.

Это до Горки дошло, в обеденный перерыв он сбегал в магазин, купил бутылку белоголовой за 2,87, полпалки краковской колбасы, баночку сайры и буханку серого хлеба (вышло без малого на пятёрку), и после закрытия ателье вся бригада уселась вкруг гольдинского стола. Валентина накрыла, кассирша Люба достала откуда-то рюмки на ножках, и Горка взялся разливать водку. Протянул бутылку к рюмке Михаила Петровича, но тот остановил его руку:

— Извини, я по другой части. — И достал из тумбочки початую бутылку коньяка.

Горку это резануло, другие смешались и замолчали; обстановку разрядил Дмитрий.

— Не бери в голову, Егор, — сказал он. — У Петровича от водки изжога поднимается,

— Да, — извинительно улыбнулся Горке Гольдин, — стар стал, не обессудь.

Горка кивнул, Дмитрий сказал тост «за молодую смену», при этом зачем-то ткнув в бок Любу, они выпили и принялись закусывать.

Застолья, однако, не получилось: Горка молчал, снедаемый вопросом о происхождении премии, Михаил Петрович отстранённо посасывал свою рюмку коньяка, Валентина была тоже будто не в своей тарелке, Люба, пыхтя, раз за разом стаскивала со своей коленки руку Дмитрия, а потом встала, извинилась и пошла домой. За ней и другие разошлись не мешкая, кроме Горки и Дмитрия.

— Ну вот, брат, — произнёс Дмитрий, задумчиво разглядывая и наполовину не опорожненную бутылку, — считай, ты полноценный фотограф. По портретной съёмке ещё чуток потренироваться, и вообще будет — не четвертак по случаю, а стольник в месяц. Минимум! — Он взял бутылку, вопросительно-утвердительно глянул на Горку, наполнил рюмки, — давай за это.

Горка по-прежнему относился к водке настороженно,

предпочитая вина (хотя Гусман и приучил, вроде), но решил, что не уподобится Гольдину, и, чокнувшись с Дмитрием, залпом выпил.

Они пожевали колбасу, покурили, потом Горка спросил:

— Четвертак, стольник… — это откуда вообще?

— Из Любкиной тумбочки в основным, — засмеялся Дмитрий, — не от государства же!

Он снова разлил, они снова выпили, и Дмитрий начал преподавать Горке урок экономики фотоателье №1.

Урок оказался захватывающе интересным, Горка ушам своим не мог поверить. Оказывается, далеко не все клиенты платили по квитанциям и не все Любины квитанции были от КБО.

— Народ у нас, — втолковывал Дмитрий, — он вроде себе на уме и за копейку удавится, а с другой стороны — вахлак вахлаком. Ты вот на документы фотографируешь, а не спрашивал себя, чего стольким людям то и дело нужны документы?

— Спрашивал, — подтвердил Горка, — не знаю.

— Теряют то и дело — раз, портят нечаянно, по пьянке или как, — два, власть придумки придумывает — три! — воодушевился Дмитрий. — И всем надо срочнее срочного, особенно кто из деревень приезжает, не толочься же в Бугульме с ночевой.

— И что? — спросил Горка.

— А то, что им не до квитанций, им результат нужен,

— припечатал Дмитрий. — Конечно, кто-то требовательный бывает, но половине — точно. А шесть фоток 3×4 — 48 копеек, а 4×5 — 60, за день человек двадцать окучить, вот тебе десятка минимум! За день! Это я не беру тех, кто «визитки» заказывает или 9×12, или портрет с видом на заднем плане 13×18, а то и 18×24 — там за кадр по прейскуранту надо отдавать не меньше трёшки.

— Погоди-погоди, — остановил его Горка, у которого от водки и расчётов напарника закружилась голова, — но учёт же и контроль, Валентина, вон, трясётся от плана по серебру…

— Ну ты точно грамотный, — засмеялся Дмитрий, опять подливая водки, — учёт и контроль, как Ленин учил, да?

Горка кивнул.

— А нет Ленина! — возликовал Дмитрий, — как и не бывало! А Михал Петрович Гольдин есть!

Горка невольно засмеялся:

— И Хрущёва нет!

— А, — отмахнулся Дмитрий, — что про этого «кукурузника» говорить! Сковырнули, и х… с ним, ещё посмотрим на этого, как его — Брежнева. Главное, что Гольдин есть!

— Ты про расходные материалы, я понимаю, — продолжил, — только и ты должен понять: у Михал Петровича такие связи, что плёнку достать — раз плюнуть, а бумага и в культтоварах продаётся. Но главное — брак! Есть по нему норматив, уложился — молодец, не уложился — удержат из

зарплаты. А если работать без брака, а отчёт давать по нормативу, то что выйдет?

До Горки дошло, он машинально почесал в затылке.

— Именно! — опять воодушевился изрядно захмелевший Дмитрий, — вот поэтому тебя Михал Петрович так и натаскивает, и с нас с Валькой стружку снимает: мы должны быть мастера, а не бракоделы!

На этом водка закончилась, а с ней и урок.

Кадры решают

После Дмитриева ликбеза относительно экономики отдельно взятого фотоателье Горка стал внимательнее присматриваться к «контингенту» — к клиентам, которые иногда просто в очередь выстраивались, чтобы сфотографироваться. Они оказались вполне поддающимися систематизации. Значительную часть действительно составляли нуждающиеся в фото на документы, но погоду (и кассу, тут Дмитрий слегка перегнул) делали не они, а «механы» и женщины.

Механами Дмитрий называл курсантов соседствующего с фотографией СПТУ — сельского профессионально-технического училища механизаторов. Это были почти сплошь татарские парни из аулов, они плохо, в большинстве своём, говорили по-русски и вообще выглядели какими-то зашуганными, но очень любили фотографироваться, и не абы как, а «по фирмЕ». «ФирмА» была в данном случае в форме: механ приходил (один, а чаще с парой кунаков), облачался с помощью Дмитрия в тельник и фланку, нахлобучивал набекрень бескозырку и вставал на фоне задника, изображающего море с летящими над волнами чайками. Глаза его начинали светиться.

Съёмкам неизменно предшествовал ритуал, напоминавший шпионский: Дмитрий, завидев в дверях механа, строго спрашивал «как будем фотографироваться?», а тот отвечал

заученным — «поясницам». Как пароль и отзыв. Дмитрия это ужасно веселило, он от души хлопал механа по спине и вёл в павильон.

Горке такая процедура активно не нравилась — он видел, что Дмитрий просто издевается над пацанами, а они теряются, вжимаются и приходят в себя только нарядившись во флотское. Как-то Горка сказал об этом старшему напарнику, но тот только рассмеялся:

— Ты чё, Егорка? — сказал, — это же хохма! Прикинь, они это слово из курса в курс передают друг другу, а другие слова выучить — нет ума!

— А ты по-татарски знаешь что-нибудь? — неприязненно спросил Горка.

— Я? — удивился Дмитрий, — а мне зачем? Хотя рахмат знаю, биг якши, исанбулыгыз — плавали!

Горка пожал плечами, не найдясь, что возразить.

Иногда, редко, механы приходили то ли с подружками, то ли сёстрами — такими же теряющимися при посторонних девчонками — и фотографировались парой. Но чаще девчонки снимались без них — поодиночке или группой — и тогда для них выкатывали другой задник, с балюстрадой и пальмами некоего южного курорта. Полюбовавшись видом, девчонки вставали, как Дмитрий велел, прижимались друг к дружке, и глаза их тоже начинали светиться. Впрочем, бывали и такие, у которых в глазах начинали прыгать озорные чёртики, — дерзкие такие татарочки.

Сортируя пачки снимков перед тем, как отдать Любе на выдачу, Горка рассматривал их и силился понять, зачем эти мальчишки и девчонки фотографируются в чужих нарядах, в чужом выдуманном антураже, для кого? Дмитрий, когда Горка заговорил об этом, хмыкнул:

— Это же татары, Егорка, — сказал с нажимом, — не мы с тобой, сироты казанские, — у всех большие семьи, родня по всей стране, друзья. Ты обратил внимание: некоторые раз в месяц приходят. Шлют близким, чтобы те любовались и гордились.

— Да ладно! — даже возмутился Горка, — они — эта родня и друзья — что, дети малые? Прям так и верят, что их равильки и гусманки из какого-нибудь «Кызыл тана» в моряках ходят и в Сочах отдыхают?

— А мы все, Егорка, как дети малые, — погрустнев, ответил после паузы Дмитрий, — хотим верить — верим. — И добавил, подумав: — Ну, и по доброте душевной.

— В смысле? — переспросил Горка, — они, которые получают фотки, потрафляют что ли механам?

— Да кто знает, — пожал плечами Дмитрий, — может и… как ты сказал — потрафляют? Это что вообще?

— Ну… угождают, подыгрывают, — смутился Горка.

— Ну ты грамотный! — укорил Дмитрий, — по-человечески нельзя сказать?

Тут заявился очередной механ, и прозвучало уже привычное — «как будем фотографироваться?»

Какое-то время Горка ещё раздумывал над сказанным Дмитрием о доброте и пришёл к выводу, что тот был прав, но только отчасти: главным мотивом для механов и их подружек была мечта. Их собственная, не зависящая от родственников и друзей.

И совсем другое дело были женщины. Нельзя сказать, чтобы Горка ими не интересовался раньше и не наблюдал — ещё как! — но тут увидел как бы другими глазами.

Даже самые что ни на есть простушки с виду — и те точно знали себе цену и не питали иллюзий: всем было важно выглядеть лучше, чем в жизни, и каждая понимала, чего не хватает и насколько это можно исправить.

Напудренные-накрашенные или почти без макияжа, с шестимесячными «химическими» завивками или простоволосые, они входили в павильон (их, за редкими случаями, встречал сам Михаил Петрович, это была его епархия) и, не успев усесться перед камерой, выказывали условия — кто просительно, а кто и властно: мне надо, чтобы было вот так и так, с пальчиком у щеки или с мечтательным взором вдаль, с улыбкой или строго, вполоборота или в профиль. Михаил Петрович выслушивал их, улыбаясь и доброжелательно кивая, усаживал — кого в кресло, а кого (Горка не очень понимал выбора) на вертящийся круглый стульчик для фоно («давайте спинку выпрямим, вам очень идёт»), лёгкими движениями поправлял то воротничок, то прядку, не переставая говорить какие-то ласковые слова, потом отходил, настраи-

вал софиты — рисующий свет (иногда и контровой) и заполняющий — и на несколько секунд замирал как бы восхищённый тем, что видит перед собой. Клиентка к этому моменту была уже как пластилин — лепи, что хочешь, и Михаилу Петровичу оставалось только отдать финальную команду («головку чуть выше» или «смотрите на моё плечо», например) и — «двадцать один, двадцать два, двадцать три».

Он тоже точно знал про своих клиенток, что почти все они, выказывая свои «особые» пожелания, подсознательно держали в уме образы кинозвёзд с открыток Бюро пропаганды советского киноискусства (их собирание было повальным увлечением и среди подростков, и среди взрослых), и он тоже держал коллекцию таких открыток, а кроме того вдумчиво читал и «Советский экран», и «Советское фото», у а ещё и чехословацкое фоторевью.

В общем, Михаил Петрович был мастер, конечно, к Пастернаку не ходи, и он любил, кажется, своих клиенток — не только потому, что они несли деньги. Уж одну — точно. Её звали Маша Простакова и она была профессиональной бугульминской проституткой.

Маша Простакова

Она закалывала юбку булавкой! Это поразило Горку больше, чем её выдающиеся, под стать королеве Шантеклера, формы. Он и познакомился с ней, можно сказать, через эту булавку.

Был вечер, Горка закончил дела и вышел из лаборатории в павильон, чтобы попрощаться с Гольдиным до нового рабочего дня. Вышел и встал. Гольдин сидел к нему спиной за ретушевальным станком в какой-то странной позе, подперев голову одной рукой и ухватившись другой за угол стола, а перед ним, почти вплотную, стояла фигуристая женщина, лет под тридцать, и возилась с чем-то сбоку на поясе. А Гольдин сидел и смотрел. Как — Горке было не видно, он шагнул вправо, к центру павильона, меняя ракурс, и увидел, что смотрит Михаил Петрович тепло и даже мечтательно, только очки светятся от настольной лампы. А женщина всё возилась, взглядывая на него с извинительной улыбкой, но наконец справилась, и тут у Горки сам собой открылся рот: юбка соскользнула с бёдер, и она осталась в кружевных полупрозрачных панталончиках и поясе, поддерживающим чулки.

— Вот так, — сказала с облегчением, — для милого дружка и серёжку из ушка! Да, Миша?

Горка поперхнулся, они обернулись и увидели его.

— Егор, ты всё? — спросил слегка смущённый, как пока-

залось Горке, Гольдин, — домой сейчас или сразу в школу?

Горка неопределённо мотнул головой, не в силах отвести глаза от чресел незнакомки и пытаясь сообразить, что же это сейчас было и зачем, а женщина, всмотревшись в него, вдруг спросила, как пропела:

— Нравлюсь тебе, жеребёночек?

Горка снова мотнул головой.

— Я всем нравлюсь! — весело и гордо сообщила она, явно собираясь рассказать почему, но Гольдин перехватил инициативу:

— Прекращай, Мария, — сказал он сухо, — лучше булавку себе купи приличную… или бечеву, чтобы подпоясываться.

Мария на это вроде обиделась, но промолчала, подобрала юбку и аккуратно повесила на спинку стула.

Горка перевёл взгляд на неё, — серая плотная юбка, дорогая по виду… «Может, она от сглазу булавку цепляет, — подумал Горка, мать тоже норовила пришпандорить её куда-нибудь в незаметное место на его одежде, — с изнанки штанов или пиджака, — да нет же, тут что-то другое; может, она бедная, и эта юбка у неё на всё про всё?»

Додумать ему не дали, Мария сухо, в тон Гольдину, спросила: «Так мы работаем сегодня, Михал Петрович?», Гольдин замахал на Горку руками, и он ушёл.

Маша Простакова не была бедной, уж по бугульминским меркам точно. Во всяком случае в этом был абсолютно уве-

рен Дмитрий, которому Горка рассказал поутру во время перекура об увиденном накануне.

— Машка, — она, знаешь, сколько сшибает за ночь за долбёжку? — спросил Дмитрий, — у меня жена за месяц столько не получает!

— Да ладно! — усомнился Горка, — заливать-то.

— А вот и неладно! — вдруг разозлился Дмитрий, — люди за копейку горбатятся, а пидары могут полста за ночь с такой блядью, как Машка, выложить и хоть бы хны им!

Горка подумал, что Дмитрий маханул насчёт пидаров, они вообще-то по другой части, да и насчёт блядей тоже (в Горкином представлении бляди давали из удовольствия, а не за деньги), но решил не нарываться на очередной упрёк в грамотействе и промолчал.

Дмитрий тоже замолчал, что-то обдумывая, потом продолжил, уже спокойно:

— Машку жалко, вообще-то. Она такая ладная, красивая — и не дура, скажу, могла бы… — Он замешкался, не найдя, что «могла бы», и махнул рукой, — короче, мается она, вот и придумывает всякие прибамбасы, — булавку эту, про серёжку из ушка. Ты её вчера в первый раз увидел, а я уж давно смотрю, она к Петровичу раз в недельку-другую захаживает, играет с ним, волнует, фотосессии устраивает…

— Фотосессии? — переспросил Горка.

— Ну да, — кивнул Дмитрий, — Петрович говорит, чтобы клиентов зазывать, а я думаю, что в основном для себя,

собой полюбоваться. Может, потом, когда постареет.

Вскоре выяснилось, что Дмитрий был не прав и насчёт фотосессий. То есть не то чтобы вскоре, а после того, как Горка рассказал о сцене с Машей Равилю и Витьке Маслову (тот исподволь занял в их компании место Гусмана, редко наведывавшегося в Бугульму из своего техникума в Октябрьском), а Равиль с чего-то решил, что его отец может что-то знать, и не ошибся, — улучил момент и расспросил, а отец рассказал.

В Равилькином пересказе выходило, что вообще-то Простакову в Бугульме знали многие и что она действительно подсовывала свои фотографии («Неглиже, прикинь», — щегольнул словцом Равиль.) официантам в ресторанах и администраторам в гостиницах, а те, значит, показывали их своим клиентам, и, если те клевали, Машка своим посредникам приплачивала. «Комиссионные, Горка, понимаешь?» — снова щегольнул Равиль.

Горка понимал, хотя укладывалось в голове с трудом: получалось, что тут прямо бизнес крутился, и Машка была куда как оборотистей всех, кого он знал. Хотя… как — «оборотистей»? — гостиниц и ресторанов в Бугульме было ровно по три, много тут назазываешь? Горка начал считать, прикидывая оборот клиентов и гонорары Маши (поделив Дмитриеву ставку на два — не поверил, что кто-то может отдать 50 рублей вот за это), по деньгам выходило так себе, но она же жила с этого! Хотя Дмитрий обмолвился, что в какой-то

конторе у неё трудовая лежит, чтоб в тунеядку не записали, — значит, есть и обычная зарплата. В общем, Горка запутался и плюнул: бизнес — это было не про него.

А Маша захаживала — всегда под конец рабочего дня — улыбалась Горке, перешучивалась с Гольдиным (он иногда называл её Простатовой, — она обижалась, а иногда, ласково, — Марией-блудницей, и она рдела как старшеклассница), фотографировалась, а то просто просила Михаила Петровича допечатать ей снимков со старых негативов, были у неё какие-то избранные. А однажды попросила пачку фиксажа, даже две, Гольдин кивнул Вале, она вынесла стограммовые пачки, Маша сунула Гольдину рублёвку, чмокнула в щёку и ушла.

Гольдин, поймав недоумевающий взгляд Горки, усмехнулся, поколебался, потом сказал:

— На живца собралась ловить.

— ?

— Вот посыпет этой крупы, и попался карась!

Горка фыркнул обиженно, Гольдин вздохнул и усадил его за свой стол.

— Ладно, — сказал, — я вижу, ты неравнодушен к ней (Горка опять фыркнул), давай я тебе проясню.

Уселись, Гольдин, к Горкиному изумлению, извлёк из тумбочки бутылку коньяка, две рюмки, разлил, кивнув Горке, давай, мол, пригубил сам и причмокнув, продолжил:

— Маша — она непростая, чтоб ты знал, она и хитрая, и

простодушная… В общем, хочет и рыбку съесть, и на… ну, ты знаешь.

Поговорку Горка знал, но она ему тут ничего не объяснила.

Гольдин, уже начиная досадовать на него, заговорил с нажимом:

— Замуж ей надо, понимаешь, она не просто деньги зарабатывает, а ищет!

— Среди кого? — опешил Горка, — среди тех, кто ей за секс платит?!

— Не буквально, — поморщился Гольдин, — но вот пришла она в ресторан, осматривается, и на неё смотрят, есть ведь на что, — и думает: вдруг выпадет познакомиться, сойтись без разговора о деньгах…

«Ну да, — подумал Горка, — где вообще в Бугульме знакомятся — на танцах или в рестике».

— Фиксаж-то тут при чём? — вернулся к началу Горка, — и «живец»?

— У тебя по химии какие оценки были? — вдруг спросил Гольдин.

Горка удивился, но ответил:

— По неорганической «пятёрка» итоговая, по органической…

— Вот-вот! — шутливо подчеркнул Гольдин, — пробелы есть. Что такое фиксаж, скажи.

Горка пожал плечами:

— Натрий в основном.

— Тиосульфат и сульфит натрия, — уточнил Гольдин, — а ещё и уксусная кислота. И что они делают?

— Михаил Петрович, — взмолился Горка, — да знаю я: галогены нечувствительными к свету делают, закрепляют изображение.

— Это к плёнке и фотобумаге, — снова уточнил Гольдин, — а вот ты руку сунул в раствор и что чувствуешь?

Горка задумался, потом сказал неуверенно:

— Сушит или, точнее сказать, стягивает кожу.

— Именно! — обрадовался Гольдин, — именно, молодой человек! Стягивает! Это Машке и надо: сядет в тазик с раствором на полчасика или проспринцуется, и всё у неё там стянулось, — наша путана опять девственница!

Горка смотрел на Гольдина во все глаза — он его разыгрывает, что ли, как такое возможно?!

Гольдин был, вроде, серьёзен, хотя и что-то бесовское просверкивало в его прищуренных глазах.

Он помолчал, потом проникновенно сказал:

— Женщины, они, Егор… Вот посмотри на мои руки: подагра подкралась уже, и как я лечусь по-твоему?

— И как? — предчувствуя новый поворот, с опаской переспросил Горка.

— А исключительно с женской, так сказать, помощью! — И, рассматривая свои пальцы, мечтательно продолжил, — вот лежишь ты с ней, на всё уже готовой, а брать не торо-

пишься, ласкаешь её, а ладонь тихонько ей в кошёлку, тихонько — и целуешь кралю свою, целуешь… А пальцы там, в тепле и влаге…

У Горки пересохло во рту: он пытался представить, как всё это происходит, воображение рисовало развалившую ноги томную Простакову, но ладонь ТУДА?! Это казалось Горке невозможным, и он решил, что Михаил Петрович его дразнит. Собравшись с духом, попрощался с наставником и пошёл в свою шаромыгу.

Дело, однако, обернулось так, что Гольдин и не соврал, может, во всяком случае насчёт фиксажа: неделю примерно спустя после его закупки Простакова пропала, уехала из Бугульмы, как сказал всезнающий Дмитрий. Он это Горке сказал, почему-то предупредив, что «Михал Петровичу этого знать не надо», но Горка не вытерпел, конечно, и поделился с Гольдиным.

— Это тебе Димка сказал? — покривившись спросил Гольдин, — а ему жена, конечно; все сплетни наши учителя собирают, никакого ЦРУ не надо!

«И КГБ», — подумал Горка.

— И КГБ тоже, — прочитал его Гольдин. — Всё знают!

Он помолчал, потом невесело рассмеялся и сказал:

— Теперь веришь про фиксаж и подагру? То-то. Случилось у Марии, сложилось, нашёлся какой-то пентюх — то ли грузин, то ли армянин, — увёз невесту. Ну, и дай бог им счастья. Закончена тема, работать надо.

…Она заявилась в фотоателье через лето: поблёкшая, какая-то потёртая… и с костылём, — левая нога у Маши была отчекрыжена по колено. Все просто остолбенели.

Все остолбенели, а она казалась весёлой: уселась по-хозяйски к гольдинскому столу, достала из авоськи бутылку трёхзвёздочного армянского коньяка, кулёк конфет, сигареты, скомандовала Валентине — накрывай! И, закурив, спросила:

— Вам всё рассказать или можно без подробностей?

Все промолчали, и она рассказала как хотела.

Из рассказа вышло, что всё у неё с избранником (она так и сказала, слегка усмехнувшись) было на мази — и дом богатый, и любил он её как не знай кто, а потом случилась беда: ей зачем-то надо было съездить в соседний курорт, на пригородном, она сорвалась со ступени вагона, и поезд отрезал ей ногу.

— А он молодой, у него вся жизнь впереди, я обузой никому не была и ему не стала! — закончила Маша с вызовом. И заплакала.

Все молчали. У Михаила Петровича ломались в пепельнице папиросы, Горка смотрел в пустоту. Ему было мучительно стыдно: он не мог отделаться от ощущения, что всё это — какое-то индийское кино и ошмётки историй Катюши Масловой, Анны Карениной, ещё кого-то, смутно приходившего на ум, пародия, в общем, а в то же время вот же она, Маша Простакова, сидит напротив, совсем не киношная…

— И что же ты теперь? — донёсся до него голос Дмитрия.

— А что? — откликнулась Маша, — мама тут, жива-здорова, слава богу, пенсию получает, я тоже — по инвалидности; проживём! Ладно, мужики, поскачу я, а то договоримся тут… до соплей.

Всем ателье они смотрели, как она переходит дорогу к горсаду и скрывается за воротами; бёдра у неё покачивались как и раньше, отметил Горка, плавно. И булавка была на месте.

На испуг

Хер его знает, откуда он взялся, этот мужик.

Такой день был хороший — середина апреля, солнце, с крыш капает, снег уже крупяной, рассыпчатый, растекается под ногами, воздух — пить можно взахлёб, и вот идут они, без пяти минут полноправные граждане Страны Советов, в кино собрались на дневной сеанс, на «Родную кровь», и тут из подворотни вываливается какой-то бугай и налетает на Гусмана.

Он так налетел, что Гусман, бывший по-прежнему в «весе пера», чуть кубарем не покатился!

— Ты чё, мужик! — зло спросил Равиль, подхватывая друга, — вообще уже?

Мужик посмотрел на него мутно и тоже спросил:

— Чё базаришь? За базар отвечают.

Горка присмотрелся к нему: лет под сорок, в ржавом бушлате, резиновых сапогах, руки в наколках…

— Пошли, Равилька, — потянул Равиля за рукав, — ну его в жопу!

— Куда?! — вдруг взревел мужик, — ах, вы пидары, я щас!

И — резко сменив тон, деловито, мотнув головой в сторону двора:

— Айда-ка зайдём, я вам покажу, блядь, жопу!

Они стояли, не зная, как быть, потом Равиль, шумно выдохнув, сказал:

— Ну веди, посмотрим.

Двор был нечищенный от снега, и они шли за этим мужиком по тропке, гуськом. Прошли метров десять-пятнадцать, на прогалине мужик повернулся к ним и вытащил из-за пазухи здоровенный нож, складной («Может, наваха такая была», — подумал Горка, вспомнив Буссенара.) и, неотрывно глядя на стоявшего напротив Равиля, медленно раскрыл. («На стопоре», — успел подумать Горка, услышав щелчок.)

— Ну, кто тут насчёт жопы? — спросил мужик, булькнув горлом.

Он, может, и ещё что-то хотел сказать, но тут Гусман, вывернувшись из-за Горкиной спины, прыгнул ему в ноги, а Равиль с размаху, по-бабьи, со всей силы ударил мужика в скулу. Тот пошатнулся, теряя равновесие, упал навзничь, и они, все трое, кинулись на него, молотя руками и ногами куда ни попадя.

Всё это длилось минуты две — максимум; мужик захрипел, друзья увидели, что снег вокруг его головы сплошь заляпан кровью, и остановились. Как по команде.

Квартал примерно они пробежали рысью, потом успокоились, но когда ввалились в туалет кинотеатра, всех ещё потряхивало, Равиля особенно.

Сеанс уже начался, из-за стенки глухо доносилась какая-то сладко-тоскливая латинская мелодия, в туалете нико-

го не было, и они принялись осматривать друг друга — брюки, куртки, Горкино пальтишко — всё вроде было чисто. Но Равилькины ботинки… Замшевые, со шнуровкой на заклёпках, на толстой литой подошве — они все были в бурых пятнах! Родители подарили их Равилю на день рождения, он так ими гордился, даже металлические набойки приколотил на носки и каблуки, чтобы подольше сносу не было, а тут…

— Ох, блядь! — только и выговорил Равиль, чуть не плача.

— Ты не охай, — посоветовал Гусман, — сними и замой вон в раковине. Кровь смывается

Равиль с Горкой вытаращились на Гусмана — знаток нашёлся, но Равиль послушался, содрал ботинки с ног, даже не расшнуровывая, и принялся тереть под струёй воды. И снова охнул и выматерился, показывая друзьям: между набойками и носками подошв что-то торчало… какая-то щетина.

— Эпидермис, — машинально сказал Горка.

— Пиздермис, — хмуро поправил Гусман, а Равиль растерялся:

— В смысле?

— В смысле — кожа с башки того мужика, — пояснил Гусман. — Ты с него скальп снял, джигит. Дело пахнет керосином.

— Нефтью ещё скажи! — огрызнулся Равиль. — Что теперь делать-то?

Что делать конкретно именно теперь, было понятно, впро-

чем, — Равиль и Горка поделили ботинки и принялись спичками выковыривать из зазора между набойками всё, что там застряло, — кусочек за кусочком, волосок за волоском, выковыривать и смывать, выковыривать и замывать.

Гусман стоял поодаль и выщёлкивал в потолок горящие спички. Забава такая была: муслякаешь спичку, набираешь на мокрый конец извёстки со стены, поджигаешь и выщёлкиваешь в потолок. Если ловкий, то спичка мокрым концом прилипает там и догорает, скукоживаясь и оставляя сажные следы. Весь потолок в «мировском» туалете был утыкан такими спичками-свечками наоборот — не один Гусман был ловким. А у него в этот раз получалось не очень: спички то гасли, не долетев, то не прилеплялись.

На следующий день они собрались у Равиля — обсудить, что и как.

— Кто-нибудь что слышал? — спросил Равиль.

Горка с Гусманом дружно мотнули головами — нет.

— И я нет, — задумчиво сказал Равиль. — Оклемался?

— Не факт, — возразил Гусман, — сутки — не срок, надо выждать, поспрашивать…

— Г*у*сман, — поморщился Равиль (он делал ударение на первом слоге имени друга, когда хотел поддеть), — ты же у нас умный, вроде, — у кого поспрашивать? Сразу у милиции? Если что — бабки сами разнесут, весь город знать будет.

И, увидев, как обиженно съёжился Гусман, — спросил

уважительно:

— Ты лучше скажи — борьбой что ли стал заниматься? Так ловко ему коленки заплёл.

— Ну да, — кивнул всё ещё обиженный Гусман, — вольной, у нас большая секция.

Горка слушал их и думал о другом, — о том, что вспыхнуло в них накануне — тёмное, дикое. Во всех, и в нём тоже.

Понятно, что они сильно напугались, но могли ведь просто убежать, хрен бы он их догнал, да и не стал бы, наверное. Или просто не пойти за ним во двор, а они пошли, как заворожённые, как овечки на закланье. А кинулись как звери. Горка вспомнил, как читал где-то объяснение, почему одни люди замирают от испуга, а другие срываются с места и бегут: потому что одни произошли от обезьян, живших на деревьях, они могли убиться, сорвавшись от страха, а другие — от живших на земле. Объяснение было красивым, но тут не подходило, тут было что-то другое.

— А ты что молчишь? — услышал он голос Равиля, — соображаешь, кому сколько дадут, если поймают нас?

— Да нет, — вяло отмахнулся Горка, — я думаю, зачем мы с ним так.

— Как?! — взъелся Равиль, — а что, надо было расшаркаться, «месье, силь ву пле»?! Он нас, с-сука, на испуг решил взять, ты не понял, что ли?

— Так он и взял, — вздохнул Горка, — мы испуганные и сидим.

— А он лёг! — с вызовом возразил Равиль и, успокаиваясь: — Алла бирса встал потом.

— Ну ты даёшь! — засмеялся Гусман, — Аллаха вспомнил!

Равиль зыркнул на него, но промолчал. И Горка промолчал, до него дошло, что испуг у них был один — за свою жизнь. И тогда, и вот сейчас, когда невесть что решало, сломаются их жизни напрочь или нет.

В тот раз обошлось. То ли мужик в самом деле оклемался и уполз куда-то зализывать раны, то ли он был из тех, до кого никому вообще никакого дела нет, и его труп сметливые самаритяне просто сволокли в какой-нибудь заброшенный подвал — догнивать. Может, ещё и извёсткой присыпали.

Фотоаппарат, велосипед и жена

С некоторых пор Горка стал замечать, что всё хуже разбирается в людях.

Когда он был маленький, то точно знал, кто хороший, а кто плохой. Улыбается тебе человек, говорит что-то ласково, как мама, например, он хороший; злится, ругается — значит, надо держаться от него подальше. И ум, конечно — это для Горки было главным. Он был на все сто уверен, что если умные глаза, как у Ленина, — такой человек не может быть плохим.

Это убеждение сильно поколебал, конечно, Равилькин дядя, целый кандидат наук Анатолий, с которым Горка в хлам разругался как раз из-за Ленина, поколебал, но не разрушил; Горка решил, что тут исключение, подтверждающее правило, ведь вообще-то умные, которых Горка встречал, не делали ничего плохого и не говорили ничего, что Горка не мог принять.

И вот явился Гольдин (конечно, наоборот на самом деле, но не важно), и чем больше Горка наблюдал за ним, тем больше путался.

Михаил Петрович однозначно был умным (хотя, кажется, не очень начитанным, — о книжках он с Горкой ни разу не заговаривал), но каким-то… ускользающим. Не скользким, на таких Горка в первой школе насмотрелся, а вот именно

что ускользающим: часто невозможно было понять, шутит он или всерьёз, вправду думает, как говорит, и вообще, — есть ли что-то, к чему он относится серьёзно, кроме своей работы, конечно.

Повод задуматься об этом возник буквально в первый день Горки в фотоателье, когда Гольдин, наставляя его, сказал странную фразу: «Никому не доверяй три вещи — фотоаппарат, велосипед и жену». Горка вообще-то готов был пропустить это мимо ушей, но Гольдин повторил — с нажимом, очень серьёзно, и Горка стал искать смысл.

Про фотоаппарат было понятно — кормилец в гольдинском случае, про жену — более-менее тоже (не считая того, что она оказалась последней в списке, если, конечно, не прочитать справа налево), но велосипед?!

На прямой Горкин вопрос Гольдин ответил расплывчато — «велосипед, это, брат, знаешь…», но глаза его вдруг повлажнели, и это Горку торкнуло, — он стал думать, что такое могло быть в жизни его начальника, чтобы он с таким чувством относился к «чуду — лисипед: жопа едет, ноги — нет», как шутили пацаны. В принципе, и тут большого ума не надо было, чтобы предположить, что велосипед запал Михаилу Петровичу в душу в детстве, — Горка сам был на седьмом небе, когда отец купил ему «Орлёнка», но порадовался-порадовался и привык, покупку матерью взрослого велика воспринял уже как что-то будничное, как должное, можно сказать. А чтобы столько лет спустя у пожилого уже человека

глаза оказывались на мокром месте при воспоминании… А сколько лет? — вдруг озадачился Горка и пошёл с вопросом к Любе, которая у них заведовала бумажками.

— Да он старый уже, Михал Петрович наш, — почему-то укоризненно ответила Люба, — девятьсот четвёртого года, ты не смотри, что он хорохорится.

«Опа, — подумал Горка, — всего на два года моложе отца». И в выходной пошёл в библиотеку, искать про велосипеды в начале, получалось, века.

Бугульминскую городскую библиотеку, к тому времени переехавшую из шаткого деревянного дома дошкольных Горкиных времён в кирпичную пятиэтажку на Коробковского, Горка считал хорошей, даже очень (хотя что-то из неё выветрилось после переезда, какая-то тёплая затхлость), но тут она его разочаровала: про велосипеды нашлась всего одна брошюрка, причём только про спортивные, и статья в Большой советской энциклопедии, из которой нельзя было узнать, какие были велосипеды в пору гольдинского детства или юности и как вообще всё это происходило-развивалось.

Зато в БСЭ подчёркивалось, что первый двухколёсный велосипед с педалями был построен в России крепостным мастером Артамоновым, и он так обрадовался (про радость в энциклопедии не было, это Горка додумал), что проехал на нём от Верхотурья (под Пермью) до Петербурга, и было это в 1801 году. То, что в России много чего было изобретено впервые в мире, Горка знал ещё со второго класса, когда

отец подарил ему картонный «конструктор» с набором раскрашенных картинок, на которых были изображены разные машины и механизмы, и если ты правильно тыкал металлической ручкой, отвечая на печатный вопрос, то загоралась лампочка (в «конструкторе» была батарейка для карманного фонарика). Так Горка узнал, что радио изобрёл Попов, паровоз — братья Черепановы, «лампочку Ильича» — Яблочков (много позже, уже взрослым, Горка с тоской узнал, что долгие годы эти лампочки светили в парижах и где ни попадя, а Россия оставалась во мгле), а уж про Менделеева и Кулибина и говорить было нечего — кулибиным дразнили каждого выдумщика, а про Менделеева любой забулдыга знал, что он изобрёл не только свою таблицу, а и водку. Теперь, значит, выходило, что и велосипед изобрели в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.